

Слова Гань Гуанхао проснулись в памяти Дуань Юйя: «Похоже, что это и есть тот самый «Необъятный нефритовый утес», о котором они говорили. Значит главы фракций Востока и Запада часто наблюдали здесь ангелов, тренирующихся на мечах. Выходит, они действительно должны были тренироваться прямо посреди озера. Если я встану здесь, с восточной стороны, мой образ отразится на скале, но гора на этой стороне поднимается резко вверх и закрывает свет луны. Ага! Я понял! Наверное здесь водятся какие-то водоплавающие птицы, они летают прямо над поверхностью озера, и их тени отображаются на утесе. Издали, конечно, эти движения кажутся и быстрыми, и нереальными, и сверхъестественными. Вот они и решили, что это были ангелы, дерущиеся на мечах, вот что они на самом деле видели. Они не смогли разобрать ни одного четкого приема, и со временем стали просто одержимы мыслью о призраках.»

Выстроив у себя в голове такую теорию, он рассмеялся. Прошло уже пятнадцать часов после ужина во дворце Озерного меча, Дуань Юй был очень голоден. Он подошел к кустам, на которых росли зеленовато-красные дикие фрукты, сорвал один и укусил. Он оказался невероятно кислым. Но Дуань Юйю было уже все равно, и он наелся кислятины. Вскоре после завтрака, он прилег на травянистый холм и крепко уснул.

Так долго он ещё никогда не спал. Когда он проснулся, солнце уже клонилось к западу. Посреди озера стояла невероятно красивая радуга. Дуань знал, что радуга под водопадом — не редкость, но он все равно подумал про себя: «Мне довелось увидеть такую чудесную картину перед смертью, значит, у меня неплохая судьба. И, если так подумать, смерть посреди цветов на берегу озера, это даже как-то элегантно. Невероятное место, жаль, только что, камелии не очень красивые».

После сна, Дуань заметно повеселел: «Может быть, где-нибудь здесь есть выход, за деревьями, скажем, или кустами? Ночью я очень торопился и, возможно, не заметил его». И он ещё раз прогулялся вдоль озера в поисках выхода, все время насвистывая свои любимые мелодии. Он буквально перевернул каждый камень, заглянул под каждый куст, но за всеми кустами и деревьями по-прежнему лишь уходили ввысь отвесные стены. Он не нашел даже единой змеиной норы, не говоря уже о полноценном проходе.

Он насвистывал мелодии все тише и тише, и сердце его постепенно наливалось горечью. Едва переставляя ноги, он вернулся на место своего ночлега и присел на камень. Он подумал: «Мисс Чжун пыталась спасти меня, но, в итоге, погибла сама».

Он подумал о Чжун Лин, достал ее туфельки из-под рубашки и обвел их глазами. Ему вспомнились ее маленькие и гладкие ножки и ее красивое личико. Он поднес туфли к губам и поцеловал их несколько раз. Спрятав туфли обратно в рубашку, он подумал про себя: «Похоже, что ни единого шанса спастись у меня нет, выходит, что и у нее его тоже нет. Если бы только мы оказались здесь вдвоем, то могли бы провести остатки наших жизней на берегу этого озера вместе, было бы здорово. Жаль, что она сейчас с тем козлобородым Сы Кунсюанем. Интересно, думает ли она сейчас обо мне? »

Делать оставалось нечего, поэтому он вновь подошел к фруктовым деревьям, и сорвал несколько фруктов. Вдруг его как молнией ударило: «Я ведь обыскал всё, кроме этого места! Утес может и тянется к самому небу, но что если выход — прямо под моими ногами!» Он раздвинул ветви фруктового дерева, и разочарованно выдохнул: за деревом была всё та же каменная стена, поросшая виноградными лозами — выхода не было. Но взглянув на неё ещё раз, Дуань Юй заметил, что скала эта была похожа на медное зеркало - до такой степени она была гладкая. Дуань Юй подумал про себя: «Неужели это настоящий «Необъятный нефритовый утес?» Он сорвал виноградную лозу со скалы, чтобы лучше рассмотреть поверхность, но, помимо своей необычайной гладкости, скала эта ничем не отличалась от остальных.

В его голове родилась идея: «Никто и никогда не найдёт моей могилы. Что, если я вырежу пару слов на этом камне. Хм, как насчет «Тут помер Дуань Юй из ДаЛи». Ха, было бы забавно.»

Он очистил камень от виноградных лоз. Затем он снял свою одежду, вымочил ее в воде и протер поверхность скалы, после чего почистил ее еще и травой. Теперь скала действительно выглядела, как кусок нефрита.

Он нашел на земле острый камень и принялся вырезать буквы, но скала оказалась невероятно твердой. Спустя пару часов работы он вырезал слово «Дуань», но канавки получились неглубокими, а буквы — кривыми, будто писал кто-то, кто не обладает навыками и техниками каллиграфии. Дуань Юй отбросил острый камень и подумал про себя: «Если кто-то это увидит, то подумает, что этот «Дуань» даже не знал, как написать свое имя. Если я всё-таки вырежу эти шесть слов, что за мерзкое наследие я после себя оставлю?» Кроме того, у Дуаня заныло запястье.

На ужин он съел еще несколько кислых фруктов, и, безо всякого промедления, лег спать. Ему приснилась пара ярких туфель, летающих у него перед глазами. Туфли были ярко-зелеными с желтыми узорами из цветов, прямо как у Чжун Лин. Он попытался поймать их, но туфли продолжали порхать, как бабочки, а потом и вовсе начали подниматься ввысь. Дуань Юй с тревогой выкрикнул: «Туфли! Пожалуйста, не улетайте!» — и проснулся от своего же крика. Осознав, что это был лишь сон, он протер глаза, потрогал свою рубашку, убедившись, что пара туфель лежала на своём месте, и встал. Он взглянул на полную луну, бледный свет её падал на озеро, делая его похожим на серебряную пленку. Он провел глазами по поверхности озера, и оцепенел: потому что на нефритовой скале напротив плясала человеческая тень!

Ни в одном человеческом языке и по сей день не существует таких слов, которыми можно было описать его удивление. Тут же он сделал глубокий вдох и закричал что было сил: «Ангел! Спаси меня! Ангел, помоги мне!» Изображение вздрогнуло, но ничего не ответило. Дуань Юй перевел дыхание и постарался повнимательнее рассмотреть ангела. Ангел был очень бледным и плохо различимым, он был одет в халат и шарф — мужчина. Он подбежал ближе к берегу и снова крикнул: «Ангел! Спаси меня!» Изображение затряслось и увеличилось. Когда Дуань Юй остановился, изображение тоже остановилось.

Осознав происходящее, он сказал: «Да это же мое собственное отражение». Он прыгнул влево, изображение на скале тоже прыгнуло влево. Он сделал шаг вправо, и изображение тоже шагнуло вправо. Дуань задумался: «Луна ведь висит на юго-западе, как она может отбрасывать мою тень на скалу?»

Он обернулся и увидел, что на камне, на котором он вчера вырезал свое имя, тоже плясало его изображение. Оно было намного меньше, и намного четче. «Получается, луна отбрасывает мою тень на этот маленький камень, который, в свою очередь, отражает ее на большую скалу. Я будто стою между двумя зеркалами».

Он осознал, что не было ничего сверхъестественного в этой «Загадке ангельских образов», которая десятилетиями озадачивала секту Необхятного меча: « Просто здесь действительно кто-то стоял и тренировался на мечах, и их изображения отражались на скале. Раньше тут были мужчина и женщина, но потом что-то случилось с мужчиной: либо он ушел, либо умер, и здесь осталась одна только женщина. И через пару лет она умерла от одиночества». Мысли о потерявшей свою любовь женщине, жившей в этой пропасти в одиночестве и умершей от грусти, сильно опечалили его.

Однако вскоре он взбодрился и, от скуки, принялся бешено размахивать руками и ногами, притворяясь, что занимается кунг-фу: «Надеюсь, Цзо Цзыму и Шуанцин сейчас прохлаждаются на вершине утеса. Увидели бы они, что «Ангел» вновь явился им, они подумали бы, что он пытается обучить их кунг-фу. И они бы глядели во все глаза, пытаясь разучить хоть один прием, чтобы передать его потомкам. Хахаха!» — Дуань Юй от души рассмеялся.

В тот же момент в его голове родилась мысль: «Эти ангелы лишь изредка тренируются здесь на мечах. Если они не живут здесь, то где-то рядом всё-таки должен быть выход. Насколько бы хорошо они не владели кунг-фу, это только лишний труд — ползать по скале туда и обратно каждый раз, когда им вздумается потренироваться». Лицо его вновь засияло надеждой: «Я найду выход отсюда. Как там сказал Гань Гуанхао: «Добиваются успеха только те, кто устремлен к цели»? Хе-хе, он стремился жениться на своей сестрице Ге, а я буду стремиться выбраться отсюда».

Он сел, обняв колени, и безмятежно взглянул на луну, отражавшуюся в озере: «Добиваются успеха только те, кто устремлен к цели». Похоже на правду. Но Конфуций также сказал: «Знание не может сравниться с преданной любовью. Преданная любовь не может сравниться с радостью». Эта поговорка мне тоже по душе. Мама и папа иногда называли меня «одержимым» потому что я был помешан на многих обыкновенных вещах, когда был маленьким. Например, когда мне было семь лет, я круглыми сутками рассматривал камелии, даже убежал посреди ночи, чтобы взглянуть на них. Я думал о них, даже когда ел и когда учился. Когда цветок умирал, я бывало плакал по несколько дней подряд. Позже, когда я начал учиться Го, всё повторилось, я постоянно забывал и есть, и спать. Целыми днями на пролет я думал только о том, как бы приятно было еще раз сыграть в Го. Однажды отец приказал мне начать изучать кунг-фу, но так получилось, что меня заинтересовала «Книга перемен». Даже когда я ел, я иногда задумывался, какими палочками для еды лучше пользоваться. Не потому ли я не хочу изучать кунг-фу, что я не хочу бить и убивать людей? Или может быть потому, что я не хочу бросать "Книгу Перемен"? Отец сказал, что я "глупец", может быть, я действительно был глупцом. Мать знала меня лучше всех остальных, и она сказала отцу: «Однажды твой сын заинтересуется кунг-фу, и тогда ты его за уши не оттянешь от учебы, даже чтобы поесть. Ведь можно привести коня к воде, но нельзя заставить его пить. Если он не хочет учиться, ты никак его не заставишь». Ах! Меня действительно нельзя заставить чем-то заниматься. Надеюсь, однажды я действительно займусь кунг-фу, и мои мама, папа и дядя будут мною гордиться. Я просто не буду никого убивать, когда овладею им, вот и все. Ведь не обязательно убивать людей, если ты владеешь кунг-фу. Мой дядя — настоящий мастер кунг-фу, но он настолько великодушный и милосердный человек, я не думаю, что он за всю свою жизнь обидел хоть муху. Даже если он захочет кого-то убить, ему не обязательно делать это своими руками».

Углубившись в рассуждения, он потерял счет времени. Внезапно, он заметил бледную радугу, отражавшуюся на гладком камне рядом с ним. Присмотревшись к ней поближе, он увидел изображение меча прямо под своим именем, которое он вырезал на камне. Изображение меча

было слишком четким для отражения — он мог рассмотреть и рукоять, и гарду, и острие меча. Меч был опущен вниз и излучал радужную ауру, которая слегка подергивалась.

Он задумался: «Откуда взялась эта радуга?» Он поднял глаза, чтобы найти луну, но её не было на небосводе. Оказывается, луна к тому времени уже спряталась за обрывом на западе. В западной скале была трещина, через которую проходил лунный свет. Внутри самой пещеры прыгало несколько солнечных зайчиков. «Ага! Похоже внутри пещеры висит меч, инкрустированный драгоценными камнями. Лунный свет падает на меч, и он отражается от драгоценностей. Очень красиво».

<http://tl.rulate.ru/book/36320/1510270>